

фонд
либеральная
миссия
библиотека
фонда
либеральная
миссия

Евгений Ясин
Новая эпоха —
старые тревоги:
политическая
экономика

Евгений Ясин

**Новая эпоха – старые тревоги:
Политическая экономия**

«Новое издательство»

2004

Ясин Е. Г.

Новая эпоха – старые тревоги: Политическая экономия /
Е. Г. Ясин — «Новое издательство», 2004

В книгу известного российского экономиста Евгения Ясина «Новая эпоха – старые тревоги: политическая экономия» вошли его работы 1998–2004 годов, посвященные взаимосвязи общественных и экономических процессов в современной России. Роль реформ 90-х годов в сегодняшнем экономическом подъеме, влияние государственной политики на инвестиционный климат, дело ЮКОСа и обозначенный им конфликт между бизнесом и бюрократией – анализ каждой из этих проблем подводит Евгения Ясина к единому выводу: только путь демократического развития сулит России экономическое процветание.

© Ясин Е. Г., 2004

© Новое издательство, 2004

Содержание

Предисловие	5
Отступление	6
Инвестиционный климат	9
Оживление	11
Реформы или демократия, миссия или власть	12
Демократическая практика	14
Бизнес и власть	16
1998–2002	19
Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис	19
Вступление	19
Введение	19
Три исходных тезиса	20
1. Реформы ни при чем	20
1.1	20
1.2	21
2	24
2.1	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгений Ясин

Новая эпоха – старые тревоги: Политическая экономия

Предисловие

В предлагаемом читателю издании собраны в основном уже опубликованные работы 1998–2004 годов (некоторые из них написаны в соавторстве). Делаю я это впервые – до сих пор публиковал только заново написанное. Побудили меня к этому следующие обстоятельства. В 2002 году вышла моя книга «Российская экономика: истоки и панорама реформ». Она охватывает период до кризиса 1998 года включительно, в том числе те события 1989–1998 годов, в которых я был не только наблюдателем, но и участником. Понятно, что в ней содержатся и мои размышления относительно взаимозависимости и закономерностей различных процессов перехода от плановой к рыночной экономике в России, от тоталитарного режима к демократии.

Я взял на себя обязательство продолжить эту работу. Но пока для того, чтобы основательно включиться в нее, не удастся выбрать время. Довлеет злоба дня. Между тем ощущается все более настоятельная потребность в осмыслении дальнейших событий.

Просматривая свои основные публикации, вышедшие после 1998 года, я пришел к выводу, что в совокупности они дают достаточно интересный материал для размышлений о событиях в экономике и политике, последовавших за августовским кризисом. Конечно, каждый этот текст несет на себе отпечаток определенного отрезка времени и той конкретной задачи, ради которой был написан. И вместе они не заменяют задуманной капитальной работы, поскольку произошедшее позднее требует корректировки многих выводов и новых обобщений. Тем не менее это не лишает их интереса, а порой, напротив, они позволяют почувствовать атмосферу последних лет и лучше понять логику изменения текущих оценок развития событий. Соответственно эволюционируют и оценки перспектив. Получилось так, что к выходу подготовлены два сборника под одним заголовком «Новая эпоха, старые тревоги» – по названию одного из моих докладов, включенному в первую книгу. Но с подзаголовками: первый сборник – «Политическая экономия», второй – «Экономическая политика». Настоящая статья, специально написанная для первого сборника, явится дополнением к другим включенным в него работам. Я попытаюсь здесь пояснить, почему именно эти тексты вошли в сборник и каков мой нынешний взгляд на обсуждаемые в них проблемы.

Подзаголовок настоящей книги объясняется тем, что в него вошли публикации, в которых так или иначе рассматривается расстановка общественных сил, влияющих на развитие российской экономики и общества. Тексты здесь сгруппированы в два раздела. Первый содержит публикации 1998–2002 годов, во второй вошли работы 2003–2004 годов, в основном посвященные теме «Бизнес и власть», событиям вокруг ЮКОСа и конфликту между крупным бизнесом и бюрократией, который этими событиями обозначен. Теперь по сути.

Отступление

Я работал в правительстве России с ноября 1994 года по июль 1998-го. Не самый яркий период в истории реформ российской экономики, время расцвета олигархического капитализма, залоговых аукционов и информационных войн. Основные рыночные реформы были уже осуществлены: либерализация цен, открытие экономики, массовая приватизация. Но все же в этот период была достигнута финансовая стабилизация: в 1997 году инфляция снизилась до 11 % против 320 % в 1994 году.

Комиссия по экономической реформе под руководством А.Б. Чубайса наметила план дальнейших реформ, сформировала на будущее концептуальный задел по содержанию каждой из них. Но серьезно продвинуть рыночные реформы в тот период так и не удалось: противостояние президента и левого большинства в парламенте, реформаторов и олигархов, наконец, смена правительства и финансовый кризис 1998 года парализовали все усилия. А сделать предстояло еще очень и очень много, если говорить о создании свободной эффективной экономики и политической демократии.

18 июля 1998 года был подписан указ президента, которым я освобождался от обязанностей министра в правительстве РФ. До этого, уже с марта, после отставки В.С. Черномырдина, я был и.о. министра без портфеля – позиция более чем сомнительная. С.В. Кириенко пытался отстоять мою кандидатуру, но намерение Б.Н. Ельцина избавиться от меня было непреклонным. Хочу напомнить, что в то время президент вынужден был уступать левым, имевшим в парламенте большинство и рассчитывавшим усилить свое влияние и в органах исполнительной власти. Кириенко на пост премьера они пропустили под угрозой крайней меры – роспуска Государственной Думы. Но лишь такие меры, чреватые полной политической дестабилизацией, не позволили бы Б.Н. Ельцину и далее удерживать позиции. Поэтому, когда речь шла об уступках непринципиальных, не влиявших на объем его властных полномочий, он предпочитал соглашаться. По слухам, особенно уговаривали президента отказаться от моих услуг Г.Н. Селезнев и Е.С. Строев. По правде сказать, я думаю, у Ельцина не было особых мотивов отстаивать мою кандидатуру.

Через месяц после моей отставки случился тяжелейший финансовый кризис. На самом деле после известных решений 17 августа он только вступил в открытую и острейшую фазу. А начался еще в ноябре 1997 года и, после короткой передышки, с мая 1998 года непрерывно нарастал. Решения 17 августа просто вскрыли опухоль, это было признание, что дальше удерживать ситуацию в латентном состоянии нельзя. Почти все это время я находился в центре событий и поэтому, хотя я не вносил конкретных предложений и не подписывался ни под какими судьбоносными документами, считаю себя вместе с моими товарищами ответственным за все, что произошло. Затем наступил период, когда сторонникам либеральных рыночных реформ казалось, что все пошло прахом. И без того нам все время приходилось идти против течения, преодолевая сопротивление и вызывая ненависть очень многих. А тут еще события как бы подтвердили ошибочность курса, тщетность всех усилий. Противники торжествовали.

Ельцин, отправив в отставку правительство С.В. Кириенко, вынужден был отступить на политическом фронте. Он уже был бы рад вернуть В.С. Черномырдина на пост премьера, но в силу, как тогда говорили, парламентского сговора коммунистов с Ю.М. Лужковым и это оказалось невозможным.

Компромисс был найден в лице Е.М. Примакова, который прежде доказал лояльность президенту, но в то же время придерживался консервативных взглядов и устраивал левых. С самого начала он заявил о «реформировании реформ», об отказе от курса этих, как он называл, «псевдолибералов».

Я никогда не забуду съезд Российского союза промышленников и предпринимателей в октябре 1998 года, тогда еще без «олигархов». Колонный зал Дома союзов переполнен. В президиуме Е.М. Примаков. Он осторожен в высказываниях. Но зато другие выступающие не стесняются: все это безобразие кончается, к власти пришли свои! И хотя Ельцин еще президент, но он стар, болен, у него уже нет сил держаться за власть и за реформы. Евгений Максимович обопрется на опытные кадры и начнет спасать промышленность.

И действительно, появление в правительстве Ю. Маслюкова, Г. Кулика, В. Ходырева и подобных им укрепляло эти ожидания. В рядах реформаторов царили депрессия и расстройство, близкое к панике. Мы пытались критиковать Примакова за ожидаемое ослабление денежной и бюджетной политики, предрекая гиперинфляцию, но ничего такого не случилось. Примаков, вняв критике, а также М. Задорнову и В. Геращенко, провел в этой сфере маневр, который в той ситуации оказался близок к оптимальному: умеренная эмиссия, неизбежная при полном отсутствии кредитов, а затем жесткий бюджет, проведенный через Думу при ворчливой поддержке друзей-коммунистов. Примаков показал себя монетаристом почище Гайдара. Инфляцию после тяжелейшего кризиса удержали в рамках. Слава богу! Но это, что называется, жизнь заставила. А дальше можно было ожидать консервативного поворота на 180 градусов с той скоростью, какую только позволят обстоятельства. Тогда был написан доклад Экономическому клубу «Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис», который открывает настоящий сборник.

Почему именно Экономическому клубу? Идея его создания возникла в 1991 году, когда еще все сторонники рыночных реформ были не у дел – и Гайдар, и Явлинский. А у меня теплилась надежда как-то объединить силы в ожидании неизбежных крутых перемен. Тогда из затеи ничего не вышло, на собрания клуба команды приходили по отдельности – либо от Гайдара, либо от Явлинского. Помню, однако, последнюю встречу в конце октября, когда пришли А. Чубайс, С. Васильев и где, по сути, обсуждалось, что они станут делать, если Ельцин подпишет указ о новом составе правительства с их участием. Напомню, этот указ был подписан 6 ноября 1991 года. На этом первый этап истории Экономического клуба закончился. Второй этап начался после августа 1998 года, когда под этим названием я, совместно с Гайдаром, попытался создать площадку, на которой могли бы собираться либералы, изгнанные из власти. В этой ипостаси клуб просуществовал примерно год и затем был преобразован в Фонд «Либеральная миссия».

Было бы глупо пересказывать доклад, он приведен ниже. Хочу только сказать о настроении, с которым я его писал: нет, мы не поддадимся, историческая правда на нашей стороне. Мы будем бороться, чтобы не дать утащить страну назад. Хотелось передать это настроение соратникам, да и согражданам дать понять: все равно мы правы и наши идеи победят.

Полагаю, мы оказались сильнее, чем думали. Посмотрите прогнозные сценарии в конце доклада. Практически реализовался вариант, совмещающий рассмотренные в нем реалистический и «пессимистический» сценарии. Из реалистического: инфляция предсказана на 100 % верно, получилось 84 % в 1998 году и 36 % в 1999-м. Из «пессимистического»: на выборах 1999–2000 годов (правда, без прививки от популизма и левой демагогии) мы все же получили президента и правительство, которые по крайней мере не стесняются произносить слово «реформы».

Второй в этом разделе помещена моя статья «Мое покаяние», напечатанная в газете «Труд» в марте 1999 года. Тогда от так называемых виновников 17 августа, да и от всех участников реформ требовали покаяния, признания ошибок. Дескать, уже сама жизнь показала, что вы ошибались. Ну признайте это, и мы, возможно, отнесемся к вам снисходительно: покаянную голову меч не сечет. Если не покаетесь – не вернете доверия народа. А вы каяться не хотите, в этом ваш порок.

Я и написал: да, были у нас ошибки, как у всяких людей, которые что-то делают, особенно если делают столь масштабное и рискованное дело. И эти ошибки мы готовы признать. Но ведь не этого от нас хотят. От нас хотят, чтобы мы отступились от принципов, от убеждений, в которых у нас нет оснований сомневаться. Не будет этого! Правильные принципы хороши тем, что в конце концов люди убеждаются в их правильности. Реформы начала 90-х годов я всегда буду считать одним из самых важных эпизодов в российской истории. Уверен, что со временем это признают все. Экономический подъем станет прямым их следствием.

В конце 1999 года в стране предстояли парламентские выборы. Все политические силы готовились, и сторонники реформ объединились в Союз правых сил. Для СПС я написал «Правый манифест», который после ряда обсуждений и редакций был одобрен как партийный документ. Но реально программой партии он так и не стал, не знаю почему. Потом был принят «Либеральный манифест» под редакцией Алексея Кара-Мурзы и еще какие-то программные документы. Как всегда, в среде демократов шла тихая возня относительно того, кто умнее и главнее. Но мне «Правый манифест» дорог как текст, в который я вложил душу и свою убежденность в то, что идеи свободы и демократии жизненно важны для России и что они в конечном счете победят. Причем писал я это тогда, когда мы отступали. Я и сейчас уверен, что написанное в нем и сегодня актуально, а может быть, даже актуальнее, чем тогда. Поэтому я решился включить «Правый манифест» в этот сборник.

Инвестиционный климат

Доклад «Инвестиционный климат в России» подготовлен под моим руководством Экспертным институтом совместно с фирмой Ernst&Young, Высшей школой экономики и Бюро экономического анализа в самом конце 1999 года. Я долго думал, стоит ли его помещать в этот сборник, но потом решил. Во-первых, доклад был встречен позитивно, в том числе в силу его стремления к объективному отражению ситуации. Во-вторых, начинался новый этап дискуссий об экономической политике, о стратегии реформ, и любопытно сравнить его выводы с тем, что на этом фронте происходило потом. Доклад появился почти одновременно со статьей В. Путина в Интернете, в которой он впервые дал наметки своего видения ситуации и того, что намерен делать. Наши позиции во многом совпадали.

Напомню, что дело было через год с небольшим после кризиса 1998 года. Оживление началось, но никто не думал, что оно окажется устойчивым. Бартер, неплатежи, колоссальный вывоз капитала, бюджетный кризис – все это еще было, и ожидание новых кризисов висело в воздухе. Угроза дефолта по внешнему долгу нависала как дамоклов меч, пик расчетов с международными кредиторами, предстоявший в 2003 году, вызывал чувства, близкие к панике. В этих условиях надо было думать о будущем. Инвестиционный климат, конкурентоспособный на международных рынках капитала, было предложено рассматривать как одну из главных целей. И потому, что нужны были ресурсы для модернизации, которых не хватало в стране, и потому, что для формирования благоприятного инвестиционного климата надо было менять институты, т. е. проводить либеральные экономические реформы. Ясно, что быстро решить эти задачи невозможно. Мы предложили формулу «сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня» как основу долгосрочной политики, способствующей постоянному нарастанию доверия.

Приведу одну выдержку из доклада об оценке уровня корпоративного управления, любопытную с точки зрения последующих событий:

К примеру, в марте 1999 года прошел ряд внеочередных собраний акционеров в дочерних предприятиях компании ЮКОС. На каждом из них решался один и тот же вопрос – о дополнительной эмиссии акций. Собрания проходили по одной и той же схеме: пакет акций, близкий к блокирующему пакету в 25 %, принадлежащих меньшинству акционеров, арестовывался по обвинению в нарушении антимонопольного законодательства. В результате группа МЕНАТЕП, владеющая контрольным пакетом через ЮКОС, получала необходимое одобрение 75 % акционеров дополнительной эмиссии.

Таким образом М.Б.Ходорковский избавлялся от спекулянта Кеннета Дарта, который присосался к ЮКОСу, используя при этом сомнительные методы и явно нарушая права миноритарных акционеров. Это характеристика деловых нравов того времени и, разумеется, инвестиционного климата. Но это не донос в прокуратуру: дескать, можете найти обвинение не хуже, чем по «Апатиту» или ЗАТО «Лесное», которые фигурируют в деле ЮКОСа. Это попытка показать, какой путь с того времени прошел российский бизнес в формировании цивилизованного корпоративного управления. После истории с Дартом Ходорковский покрывал потери миноритариев и перестроил компанию, сделав ее примером прозрачности и легальности. Аналогичные процессы начались и в других крупных компаниях.

Многие оценки доклада верны и сейчас, другие способствовали принятию мер, позволивших улучшить положение. Например, тогда существовала прогрессивная шкала подоходного налога с высшей ставкой 45 %, введенная при правительстве Е.М. Примакова, высокие ставки отчислений от фонда оплаты труда во внебюджетные фонды. В докладе они подверг-

нуты критике. Как известно, с 2002 года введена плоская шкала подоходного налога с одной ставкой 13 %, а в 2004 году очередь дошла до снижения единого социального налога. Многие рекомендации предваряли некоторые положения будущей «программы Грефа» и до сих пор не утратили значения. С тех пор, если брать только экономическую сторону, инвестиционный климат существенно изменился к лучшему.

Оживление

Вдруг, казалось бы, совершенно неожиданно, российская экономика стала подниматься из руин. Все вокруг ждут новых катастроф, коллапса, а она внезапно начинает оживать. И первая естественная мысль большинства людей: это мудрая политика Е. Примакова, он спас Отчизну от неминуемой гибели.

Я уже отмечал выше подлинные заслуги Примакова. А сейчас пришла пора сказать, что, кроме спасения от гиперинфляции, он для оживления экономики не сделал ничего. Реально в дело вступили рыночные силы, высвобожденные как раз теми реформами, которые были принято проклинать.

Затем Примакова отправили в отставку, прозвучало знаменитое ельцинское «не так сели». На его место заступил С.В. Степашин, хотя его премьерский век оказался еще короче. Но представление о том, будто экономику поднял Примаков, оставалось в общественном сознании.

Тогда я написал помещенную в этом сборнике статью «Экономика: привет Степашину от Кириенко», которая была опубликована в «Аргументах и фактах» в мае 1999 года. Главная мысль: именно решения 17 августа, как это ни покажется странным, привели к оживлению экономики. Те, кто взял тогда на себя ответственность, на самом деле заслуживают не поношений, а благодарности за мужество. Они облегчили жизнь Примакову и Степашину, позволили им сыграть роль спасителей Отечества.

Эта моя заметка была одной из первых публикаций относительно подлинных причин оживления экономики, и она привлекла внимание. Реформы 90-х должны были начать приносить плоды. И вот они стали появляться. На поверхности лежали девальвация рубля и масированное импортозамещение, загрузка наличных мощностей, доселе простаивавших. Еще и цены на нефть не поднялись. Но даже за первым успехом стояли рыночные реформы: только рыночная экономика, уже заработавшая в результате их проведения, могла так гибко среагировать на изменение ситуации.

Парадоксально и естественно. Первый этап реформ завершился кризисом, который был воспринят как их крах. На деле же он позволил разрешить проблемы, которые были не по зубам правительству, и двинуться дальше.

Дальше новая волна событий. Б.Н. Ельцин отправляет в отставку Степашина, пост премьера занимает новый кронпринц – В.В. Путин. Разворачиваются события в Дагестане. Еще недавно мягкотелый С.В. Степашин объяснял, что ваххабитские села в этой республике – Карамахи и Чабанмахи – это всего-навсего место обитания мирной секты, вполне вписывающейся в демократические представления о свободе совести. А уже в октябре шли ожесточенные сражения с отрядами Басаева и Хаттаба и из тех же сел выбивали с кровью их вооруженных сторонников. И новый премьер сказал свое знаменитое «мочить в сортире», надолго завоевав народную любовь: наш парень!

А на Новый год досрочная отставка Ельцина, его грустные прощальные слова. С новым 2000 годом и – вслед за ним – с новым XXI веком, с новым III тысячелетием наступала новая эпоха в нашей истории. Позади романтика перестройки и реформ, тяжелые испытания, с ними связанные. Расставание с прошлым. Выбираем нового президента и начинаем новую жизнь.

Реформы или демократия, миссия или власть

Начинался новый этап развития страны. Условно – модернизация.

Хочу напомнить, что модернизация, понимаемая в самом широком смысле как преодоление отсталости страны, выход ее на передовые рубежи в мире, была и целью большевистского проекта. Он закончился колоссальной неудачей. И снова встал вопрос о путях и методах модернизации, уже в принципиально новых условиях. Но цели-то были старые: поднять производство и благосостояние, повысить производительность, обеспечить конкурентоспособность страны, а значит, научиться делать конкурентоспособные изделия в количествах, обеспечивающих занятость, повышение доходов, устойчивость экономики от колебаний мировой конъюнктуры.

Неудачу большевистского проекта обусловило то, что он делал ставку на социалистические плановые институты, отвергнув рыночные механизмы, конкуренцию и корыстные интересы людей. А когда новый идеальный человек не получился, вопреки упорному навязыванию марксистских схем, пришлось ставить на подавление естественных желаний людей, их грешной природы, и на обильное вовлечение ресурсов в экономику. Когда же выяснилось, что возможности экстенсивного роста за счет увеличения масштабов вовлечения дополнительных ресурсов не безграничны, а подавить материальные интересы людей невозможно, тут все и кончилось.

С самого начала был и другой проект – либеральный, демократический, который предполагал движение России в основном русле развития мировой цивилизации, но был отвергнут с началом Первой мировой войны. Он состоял в том, чтобы отсталость, обусловленная сильными пережитками архаичного феодально-аграрного строя, преодолевалась последовательным устранением этих пережитков и формированием институтов постиндустриальной эпохи на основе рыночной экономики и демократии.

В сущности, рыночные реформы после краха коммунизма означали возврат к этому проекту. Но у него две основные составляющие – рыночная экономика и политическая демократия. Поначалу между ними существовало противоречие: нельзя было решать обе задачи одновременно, уже хотя бы потому, что рыночные реформы, особенно в России, очень трудны для населения. И не могут быть иными. Большинство очень скоро стало высказываться против них, в лучшем случае, против способа их проведения. Демократия при этом могла с большой вероятностью привести к поражению реформ и реставрации советской системы.

Тем не менее именно свобода и демократия были старыми тревогами России, перед революцией они являлись программными требованиями всех партий, правда, по-разному понимаемыми.

Хотя все перемены у нас начинались с демократизации и хотя именно широкая демократическая волна снесла коммунистический режим, реформы привели к упадку демократического движения, к разочарованию в демократии. Кончилось это тяжелым политическим конфликтом между президентом и парламентом, расстрелом Белого дома.

Я – убежденный сторонник демократии, каким может быть только бывший советский подданный, чье достоинство попиралось большую часть жизни, но все же как-то осталось живо. Конечно, настолько, насколько нужно, чтобы не ходить туда, где твое достоинство может быть оскорблено, чтобы не требовать большего, чем само получается.

И тем не менее я не настолько пурист, чтобы утверждать: демократия превыше всего. В 1993 году я был на стороне Б. Ельцина, хотя он нарушил Конституцию. Потому что и тогда, и сейчас убежден: сохранение и продолжение рыночных реформ в то время было важнее демократии, точнее – буквального соблюдения всех демократических процедур и законов того времени.

Тогда сложилась ситуация, когда под демократией не было социально-экономической базы, реформы только должны были ее сформировать.

Она и сейчас еще слаба. Но все же появились такие институты, как частная собственность, свободные цены, реальные контрактные отношения, без которых демократии просто не бывает. Теперь нужна социальная практика, в которой демократические нормы показывают свою полезность, опыт жизни в условиях, отличных от традиционных для нас отношений господства и подчинения, злоупотребления властью.

Демократическая практика

Подчеркиваю, практика. Без нее в России новые по типу отношения не сложатся. И в любом случае нужно много-много лет, чтобы они сложились. А без этих новых отношений у страны нет будущего. Поскольку, в отличие от прежнего, бабы не нарожают сколько угодно солдат, чтобы не ценить жизнь человека, как это было на Руси испокон веков. Потому что потенциал каждого россиянина понадобится использовать сполна, а для этого в постиндустриальную эпоху нужны свободные люди, привыкшие жить в атмосфере доверия, в том числе и к государству, и уважать права сограждан, даже если они не начальники. Откладывать, следовательно, нельзя. Управляемая демократия (как она ни привлекательна для власти, поскольку ею легче управлять) означает, что на деле государство подчиняется бюрократии, которой иерархия ближе и понятней и которая будет блокировать новые типы отношений.

Когда Путин пришел к власти, страна еще была в состоянии постреволюционного хаоса. И хотя «управляемая демократия», которую сейчас многие критикуют, формировалась уже начиная с 1996 года, Россия все же еще испытывала острую нужду в политической стабильности. В короткие сроки новый президент усмирил «самостийных» регионалов, убрал угрозу сепаратизма, ослабил оппозицию, накинуд узду на СМИ. Хаоса не стало. Но одновременно многие нормы демократии, к которым уже привыкли, оказались нарушены. История с Андреем Бабицким, корреспондентом радио «Свобода», пропавшим в Чечне, заставила старых демократов насторожиться. Власть вправе возражать, когда пресса, особенно зарубежная, на территории страны, по сути, содействует мятежникам. Но форма, в которой выразились эти возражения, многим представлялась неприемлемой: что-то происходило непонятное – пропал, нашелся с поддельными документами... С тех пор постепенно накапливались свидетельства того, что Путин будет сочетать либеральные реформы в экономике с усилением «управляемой демократии» в ущерб реальной, что ставка будет сделана на бюрократию.

В сборнике помещен упомянутый выше доклад «Новая эпоха, старые тревоги», подготовленный в 2001 году, в начале президентства В.В. Путина. В нем охарактеризованы исходные позиции нового президента – экономические, социальные, политические – и сказано о выборе, который ему предстоит сделать: миссия или власть. Миссия, т. е. задачи, которые надо решить во благо страны, состоит из трех пунктов: 1) вытащить страну из полосы кризиса, улучшить жизнь людей; 2) укрепить позиции России в мире, вернуть россиянам чувство национального достоинства; 3) обеспечить демократическое развитие страны на основе уважения прав и свобод человека. Чтобы исполнить миссию, требуется последовательно решать эти задачи, выбирая при этом оптимальные варианты решений: в экономике – либеральные реформы, в политике – укрепление государства на основе равенства всех перед законом.

Но всегда есть соблазн: власть, которая необходима для исполнения миссии, превратится в самоцель. Или усилить государство за счет манипулирования законом, продолжить феодальную российскую традицию распоряжения властью, исходя из убеждения, что в России иначе нельзя. Этот выбор был задан В. Путину объективно, и с самого начала существовала опасность, что, даже правильно декларируя цели, президент перед лицом трудностей, реальных или мнимых, станет шаг за шагом уклоняться от них; или медлить, стараясь достичь общественного консенсуса там, где надо брать ответственность на себя; или прибегать к средствам, которые исключают достижение целей.

В докладе показано, что если первые две задачи, как представлялось в то время, получили нужный импульс, то с третьей – не все ладно. Я назвал ее «третьей корзиной», вспоминая, что так назывался посвященный гражданским правам и свободам раздел Хельсинкского заключительного акта о безопасности и сотрудничестве в Европе, подписанного в 1975 году.

И с «третьей корзиной» у нового лидера России проблемы возникли почти сразу. Первая ласточка – дело Андрея Бабицкого. Затем пошли и другие события, в том числе выяснение отношений с крупным бизнесом. Уже тогда В.В. Путин в интервью газете *Le Figaro* сказал, что государство уже взяло в руки дубину и пустит ее в дело, если будут злить.

Тогда, по совокупности фактов, я мог сказать, что разделяю основные цели программы Путина и только выражаю некоторые опасения относительно того, как он собирается ее выполнять. Теперь многое стало гораздо более ясным. Но не более простым.

Именно столкновение задач политической стабилизации, оставленных предыдущим правлением, с соблазнами авторитаризма, усиливающимися по мере того, как эти задачи решались, во много определяет, на мой взгляд, содержание президентства В. Путина. Отсюда мои тревоги, столь привычные для российского интеллигента. Поэтому название этого доклада и вынесено в название книги.

Как показали события, тревоги были не напрасны. Я далек от того, чтобы упрощать процесс становления рыночной демократии в России, и полагаю, что реально на это потребуется много времени, жизнь одного-двух поколений.

Прочитую Е. Гайдара, с которым я полностью согласен. «Давно известно, что аграрные общества с низким уровнем доходов, доминирующей долей неграмотного населения, живущего в деревне и занятого сельским хозяйством, традиционные монархии, реже авторитарные режимы; что высокоразвитые постиндустриальные общества – в подавляющем большинстве случаев устойчивые демократии; что перемены, связанные с индустриализацией, урбанизацией и широким распространением образования, – именно то, что порождает политическую нестабильность. Именно на этот промежуточный уровень развития приходится время молодых нестабильных демократий, социальных революций, неустойчивых авторитарных режимов»¹. Мы на этом промежуточном уровне. Дай бог проскочить. А ведь можно застрять в очередной авторитарной яме, и тогда прощай мечты о процветании не хуже других.

¹ Гайдар Е. Могильщикам либералов // Еженедельный журнал. 2004. № 15. С. 27.

Бизнес и власть

Второй раздел сборника включает публикации, в основном связанные с событиями вокруг ЮКОСа. Я убежден, что это не изолированный случай, а тревожный сигнал, требующий реакции со стороны общества. Именно этим объясняется моя активная отрицательная реакция на действия властей против ЮКОСа начиная с ареста П. Лебедева. Я, как известно, не одинок, но правда и то, что большинство граждан поддерживают власть. Это и тревожит, ибо общественные настроения, даже если они инициированы властью, отражают состояние институтов, ценностей и способности людей здраво судить

о своих собственных интересах, руководствуясь не только эмоциями и предубеждениями, но и разумом.

Нет смысла останавливаться на отдельных публикациях второго раздела, это в основном статьи в газетах, выступления и интервью. Более важно, видимо, разъяснить, почему я придаю такое значение одному событию, точнее, травле одной корпорации. Может быть, власти действуют верно, пусть даже с погрешностями против буквы закона, а поддержка народом их действий и есть критерий их правильности? Напомню аргументы власти, которые с определенного момента оглашал сам президент, как бы взяв на себя функции спойксмена команды силовиков как стороны обвинения.

1. Против владельцев ЮКОСа выдвинуты серьезные обвинения в мошенническом захвате государственной собственности в период приватизации, а также в уклонении от уплаты налогов, корпоративных и частных.

2. Законы равны для всех, и, привлекая к ответственности самых богатых, власть показывает, что для закона нет неприкасаемых.

3. Обвиняемые опасны для общества, а кроме того, могут покинуть страну, чтобы избежать наказания. Поэтому их следует содержать под арестом не только во время следствия, но и после его завершения, до самого суда.

4. Выступления в прессе в защиту владельцев ЮКОСа оплачены обвиняемыми, отсюда такая реакция прессы на действия властей. Нормальные люди эти действия не могут не поддерживать.

5. Государство не будет пересматривать итоги приватизации, разве только в исключительных случаях. Только пять-семь человек были «назначены» миллиардерами, и им позволено было нарушать закон. К ним претензии возможны, но, разумеется, в рамках закона.

6. Если власть не решится на действия против олигархов с целью добиться их подчинения законам, если она не прекратит разнузданное использование денег для покупки депутатов и коррумпирования госслужащих, нам никогда не вырваться из ловушки, не добиться единых для всех законности и правопорядка.

Было бы легче критиковать власть, если бы в каждом из приведенных тезисов не было доли правды. Однако невооруженным глазом в них видна и изрядная доля лукавства. Попробуем возразить.

1. Обвинения выдвинуты, но не доказаны. В открытом и состязательном судебном процессе доказать их было бы крайне трудно, а то и невозможно. Все действия осуществлялись в пределах закона. Пусть на грани закона, пусть эти люди заслуживают морального осуждения – не спорю, нравы бизнеса эпохи первоначального накопления были крутыми. Но доказать незаконность действий обвиняемых будет трудно. А если докажут с легкостью, значит, суд подконтролен обвинению.

2. Верно, законы должны быть равны для всех, в том числе для богатых. Но тогда почему судят не всех? Ведь все предприниматели действовали примерно так же, а взяли этих. Видимо,

потому, что они захотели стать прозрачными, приобрести приличную репутацию и в этом стали подавать пример другим.

3. Что обвиняемые опасны для общества – ложь. Содержание под стражей после завершения следствия просто противозаконно. Напрашивается мысль о том, что это мера устрашения.

4. Да, возможно, кого-то владельцы ЮКОСа и купили. Но очень многие голоса, в том числе и мой, были голосами искреннего протеста против действий властей. Я открыто говорю: никаких обязательств перед М. Ходорковским я не имел. Более того, когда появилась его известная «малява», письмо о кризисе либерализма, я публично высказал свое негативное отношение к его содержанию. Я также не заподозрил бы в ангажированности таких людей, как Л. Алексеева или А. Симонов. Их позиция должна бы заставить власти задуматься.

5. Возможно, сегодня государство не намерено пересматривать итоги приватизации в массовом порядке, но Путин так ни разу и не сказал: «Без всяких исключений». А этого достаточно, чтобы свести на нет любые заверения. Право частной собственности в России поставлено под сомнение, ибо власти оставили себе лазейку, чтобы при желании напасть на непослушных.

6. Власть должна решиться на то, чтобы крупный бизнес был поставлен в рамки закона. Это несомненно. Вопрос, однако, в том, какими методами. Законными методами – обязана. Если с нарушением закона, даже прикрытым юридическим крюкотворством, значит, власть уподобляется своим незаконопослушным оппонентам, использует неоправданное насилие в собственных интересах, чтобы продемонстрировать силу и внушить страх. Тем самым она продолжает и укрепляет российско-византийскую традицию распоряжения властью, в которой произвол начальства выше закона. И если это так, то неважно, кого поддерживает большинство населения – любимого президента или горстку «эксплуататоров, обобравших народ». В данном случае важен не приговор большинства, а приговор истории, произнесенный хотя бы одним человеком.

Помню, в 1960-е годы в США А.Ф. Стоун издавал еженедельник *Minority of One* – «Меньшинство в один голос». У нас его публикации нередко перепечатывал журнал «За рубежом» – тогда для большинства единственное окошко в большой мир. Там было принято выслушивать «майнорити оф уан»: кто его знает, кто в конечном счете окажется прав... А у нас не было принято ни тогда, ни сейчас. Если и дают сказать, то с такой миной, будто вот-вот заткнут рот. Что уже и было сделано ранее с федеральными телеканалами.

Интересно, что опубликованная в сборнике заметка «Что говорят в ноябре», написанная для «Известий» вслед трем другим, уже не была напечатана новым главным редактором. Еще одна статья, «Бизнес и власть: весна-2004», написана на основе раздела доклада, подготовленного по заказу уважаемой зарубежной организации, которую я не назову. Так вот, эта организация настояла на том, чтобы раздел из доклада был снят по соображениям, думаю, политкорректности. Как говорит Владимир Познер, такие у нас нынче времена.

В том-то и дело, что случай с ЮКОСом встал в ряд с другими случаями, свидетельствующими о сползании власти в традиционную для России авторитарно-бюрократическую колею, об опасности утраты демократических завоеваний 1990-х. Что большинство не возражает против этого, не так важно: речь идет не о сиюминутных колебаниях политической конъюнктуры, не о настроениях, но о будущем страны.

На выбор – два альтернативных пути развития и два варианта политики: 1) ехать по колее управляемой демократии, перерастающей в авторитаризм, – и тогда развитие по инерционному сценарию, жизнь в бедности и зависти, при нарастающем отставании от стран, пересиливших себя в изживании архаичных институтов;

2) выбиться на путь демократического развития, пусть не такого быстрого, не поспевающего к намеченной дате, но верно сулящего свободу, доверие, солидарность и, как следствие, процветание.

Вместо заключения я счел целесообразным включить в сборник статью «Что с нами было, что с нами будет», оставшуюся практически недоступной читателю. Опубликована она только в малотиражном альманахе «Апрель», который с трудом издают литераторы демократического направления конца 1980-х годов объединенные в одноименный союз. Мне кажутся любопытными те размышления, которые в ней содержатся.

Настоящее – миг между прошлым и будущим. Будущее вырастает из прошлого. Если вглядываться в то, что происходило три, пять или десять лет назад, можно многое понять относительно того, что нам предстоит. С этими словами я предложу читателю прочесть то, о чем писал.

1998–2002

Поражение или отступление? Российские реформы и финансовый кризис

Вступление

Экономический клуб основан в октябре 1998 года как профессиональное объединение экономистов преимущественно либеральных взглядов, в том числе тех, кто в 1992–1998 годах работал непосредственно в правительстве и Центральном банке.

Прежде всего, Клуб дал возможность общаться людям со сходными представлениями об экономике и экономической политике России, с близким пониманием сути переживаемого страной переходного периода от плановой экономики к рыночной и обладающим в то же время высокой квалификацией.

После 17 августа период либеральных экономических реформ в России закончился. Точнее, закончился период пребывания сторонников таких реформ во власти, хотя многие из этих сторонников полагают, что по крайней мере с 1993 года никаких реформ в России не было.

Не будем спорить. Факт, что все эти люди оказались в оппозиции. Но они и в этом новом положении намерены добиваться воплощения своих идеалов.

Как бы ни оценивать конкретные опыты применения либеральных идей в нашей стране в последние годы, всех членов Экономического клуба объединяет убеждение, что только эти идеи, только либеральная политика (понятно, с разумными ограничениями) способны вытащить Россию из системного кризиса как следствия длительного коммунистического эксперимента. Россия в нашу эпоху обречена с либерализмом, ибо слабое и дорогое государство мало что может дать, кроме свободы. И только свобода может сделать его сильным и относительно недорогим.

Введение

То, что после 17 августа 1998 года переживает страна, – это всенародная беда. Люди не думали, что когда-нибудь им придется переживать ее снова. Финансовый кризис – за этими учеными словами стоит рост цен, превращающий заработки и пенсии в нечто мизерное, еще одна (третья на протяжении десяти лет) утрата личных сбережений. Пустые полки магазинов в августе-сентябре напомнили о не столь давнем, унижительном, невыносимом прошлом. Затем ситуация как будто стабилизировалась, но ожидания новых потрясений все сильнее.

И вот с парламентской трибуны, со страниц газет и журналов слышны голоса: «Ага, мы вас предупреждали о гибельности курса реформ, мы знали, что этим кончится».

Иная версия: нужны были другие реформы, которые не принесли бы народу разочарования в рыночной экономике и демократии, которых было бы человеческое лицо. Во всем виновны плохие реформаторы, заведшие нас в болото.

Сложилось преобладающее общественное настроение: надо сменить курс.

Зюганов неустанно повторял это как магическое заклинание. Правда, никогда ни слова не сказал, что же имеется в виду: то ли вернуться назад, то ли двинуться вбок... Теперь он может быть удовлетворен: либералы удалены из правительства, второе лицо в нем, определяющее экономическую политику, – его товарищ по партии. Уж он-то курс поменяет как надо.

Финансовый кризис, таким образом, привел к острейшему за последние годы политическому кризису, итогом которого стало устранение от власти практически всех сторонников реформ.

Крупнейшее поражение реформаторов, казалось бы, стало фактом. Поражение ли?

Что же все-таки произошло и происходит? Повинны ли в кризисе рыночные реформы? Что с ними будет дальше? Что надо делать и что реально будет делаться в ближайшие месяцы?

Эти вопросы необходимо обсудить и сторонникам реформ, многие из которых чувствуют себя в нокдауне, и правительству, которое все еще разрабатывает свою политику, новый курс.

Три исходных тезиса

Предлагаю непопулярную идею: разобраться по существу.

За основу возьму три тезиса, которые, как мне кажется, признает большинство здравомыслящих людей.

Первый тезис. Рыночные реформы были необходимы. Коммунистическая экономика представляла собой исторический тупик, я бы даже сказал, западню, из которой надо было выбираться любой ценой.

Второй тезис. Путь из западни не мог быть легким. Более того, в России и в остальных странах бывшего СССР он должен был даваться много труднее, чем другим. Мы в западню забрались глубже, накопили больше деформаций, больше ресурсов вколотили в амбиции сверхдержавы. Больше изуродовали народное сознание.

Третий тезис. Рыночные реформы, даже если они начинались при всеобщей поддержке населения, вследствие связанных с ними испытаний рано или поздно должны были привести к росту недовольства в обществе, обращенного прежде всего на тех, кто эти реформы проводит. И произойти это должно было независимо от того, как осуществляются преобразования – быстро или медленно, хорошо или плохо с точки зрения организации исполнения.

1. Реформы ни при чем

Опираясь на эти тезисы, утверждаю: вопреки распространенному мнению, нынешний финансовый кризис с рыночными реформами практически никак не связан. Ну, если только не считать, что подобные кризисы бывают только в рыночной экономике и что реформы привели к ее созданию в России.

1.1

Доводы оппонентов

Однако оппоненты думают иначе, и надо выслушать их доводы, тем более что сегодня они – власть. Их логика примерно такова.

1. Именно либерализация цен вкупе с открытием российской экономики обусловили глубокий спад производства, вытеснение отечественных товаров с внутреннего рынка. А отсюда – сокращение доходов и налоговой базы, отсюда – бюджетный кризис.

2. Монетаристская политика, видящая самоцель в подавлении инфляции посредством ограничения денежной массы, привела к тому, что экономика испытывает нехватку денег, процветают неплатежи, денежные суррогаты, бартер. Из-за этого не платятся налоги, усугубляется бюджетный кризис. Нет доходов – приходится брать займы. Не будь этого, не пришлось бы строить пирамиду ГКО, не случился бы и финансовый кризис.

По сути, главный грех монетаристской политики многим видится в том, что правительство отказалось от эмиссии как способа покрытия бюджетного дефицита и перешло к неин-

фляционным методам его финансирования, то есть к займам, которые, как ожидалось, заставят нас быть более дисциплинированными и ответственными. Займы нас и погубили.

3. «Грабительская приватизация по Чубайсу» обманула ожидания народа, большинство не получило ничего. Одновременно образовался слой сверхбогатых, «новые русские», которые захватили самые лакомые куски. Олигархи стали влиять на власть в своих корыстных интересах. А самое главное, эффективные собственники не появились. Бывшие государственные богатства растаскиваются по частным карманам, экономика уходит в тень, ресурсы утекают за рубеж. И это опять же приводит к неуплате налогов, бюджетному дефициту, пирамиде заимствований и к нынешнему кризису.

Я постарался объективно изложить логику оппонентов. Напомню: именно либерализация, приватизация и финансовая стабилизация составляли содержание первого этапа реформ. Это три его ключевых слова. И изложенные соображения кажутся на первый взгляд убедительными. Если же они верны, то, действительно, нынешний кризис – следствие реформ или их неверного курса. К счастью, это не так.

1.2

Встречные аргументы

1.2.1

Либерализация

Опираясь на первый из перечисленных постулатов о неизбежности перехода к рынку, мы должны признать, что спад производства, обусловленный, как утверждают, либерализацией цен и открытием экономики (это, кстати, абсолютно необходимые составляющие перехода к рынку), был вызван на самом деле не ими, а прежде всего деформациями плановой коммунистической экономики.

Как минимум 40 % ВВП СССР составляла военная продукция и то, что непосредственно требуется для ее производства. Сейчас – не более 5–8%. Разница – сокращение военного производства – дает не менее 25 % из общего 50-процентного снижения ВВП за годы реформ. Еще не менее 10–15 % дает сокращение продукции потребительского назначения низкого качества и негодного ассортимента, которую брали только из-за отсутствия выбора: взрывающиеся телевизоры, «детдомовская» обувь (ее, между прочим, на душу населения мы производили больше всех в мире).

Выходит, на долю всех иных факторов, в том числе реформ, приходится не более 10–15 % спада, как и в других странах.

Напомню о выступлении на XIX партконференции 1988 года Л.И. Абалкина, ныне одного из наиболее последовательных критиков так называемых «радикальных реформаторов». Тогда он вызвал аплодисменты зала, сказав, что невозможно совместить качественные изменения (читай: реформы) и количественный рост. Очень даже верно!

Но спад оказался слишком велик?! Если разобраться без эмоций, то не слишком, ибо конкурентоспособной продукции мы производили не более 15–20 % общего объема, включая природные ресурсы и вооружения. И потеряли рынки, на которых брали наше не лучшее в мире оборудование. Отнюдь не вследствие реформ.

Особо надо сказать об открытии экономики. Действительно, импорт заполнил наши рынки. Но ведь именно он позволил в кратчайшие сроки насытить их, преодолеть мучивший страну товарный дефицит, подорвать монополизм, столь характерный для советской экономики. Кстати, импорт давал в последние годы до трети всех доходов федерального бюджета.

В целом, конечно, налогооблагаемая база из-за спада производства сократилась. Но раз это было неизбежно вывод один: расходы надо приводить в соответствие с доходами. Если бы мы это сделали, либерализация никак не повлияла бы на нынешний кризис.

И еще одно. Вред либерализации усматривают в том, что государство самоустранилось от регулирования экономики. Одно из немногих недвусмысленных заявлений Е.М. Примакова по экономической политике, сделанное в октябре на съезде промышленников и предпринимателей, звучало так: позиция «рынок все решит» не оправдалась. Спонтанно дееспособные субъекты рынка возникнуть не могут². Последовали дружные аплодисменты. Все поняли сказанное одинаково: государство отныне будет поддерживать предприятия.

Как поддерживать – давать субсидии, списывать долги? Утверждаю: под давлением многочисленных лоббистов (правда, в убывающем масштабе) это делалось, причем сверх возможностей. А вот роль государства в исполнении законов, в обеспечении дисциплины контрактов, в наказании несостоятельных должников была действительно слабой. Хотя именно это в первую очередь требуется от государства в свободной рыночной экономике.

Все эти годы государство было большим и слабым. Большим, ибо брало много обязательств; слабым, ибо неспособно было их выполнять. На этом направлении либеральные реформы продвинулись очень недалеко, встречая отчаянное сопротивление прежде всего со стороны тех, кто ныне настаивает на усилении роли государства.

Так что не реформы надо винить, а их отсутствие. И тех, кто им противился.

1.2.2

Монетаризм

Монетаристскую политику кто только не крыл – от советских академиков до Ю.М. Лужкова. Говорят, денег не хватает, не удовлетворяется спрос на деньги. На какие деньги? Уточним: на рубли, это важно.

Возьмем учебник по макроэкономике для 1-го курса (конечно, не тот, по которому учились профессора и академики моего поколения). Там написано, что при высокой инфляции спрос на деньги, точнее, на национальную валюту, падает. От рублей бегут. При этом снижается отношение рублевой денежной массы (например, агрегат M2) к ВВП. Там же говорится, что различные функции денег могут исполняться разными инструментами – от товаров, эквивалентом которых деньги выступают, до твердой иностранной валюты и различных денежных суррогатов. При этом владельцы активов, если могут, оказывают предпочтение тем инструментам, которые по соотношению плюсов и минусов в данных условиях оказываются более выгодными и надежными.

Если не хватает денег на уплату налогов или выплату зарплаты, это еще не значит, что спрос на деньги больше предложения. Если с увеличением предложения денег начинают расти цены или на валютном рынке падает курс национальной валюты, это означает, что спрос на нее реально ниже предложения, даже если налоги и зарплаты не выплачиваются. А может быть, именно потому нет спроса на деньги, что налоги и зарплату можно не платить и тебе ничего за это не будет. Спрос на национальную валюту зависит также и от способности государственной власти обеспечить законность и защиту прав участников хозяйственных отношений. У нас в реальной сфере деньги не держатся, утекают, это факт. Значит, на них нет спроса.

В России уровень монетизации оказался ниже, чем в других странах, в том числе с переходной экономикой, потому что процесс финансовой стабилизации при очень высокой исходной инфляции растянулся как минимум на три года, а фактически – на шесть лет. И при этом предприятия, приносящие отрицательную добавленную стоимость, почти не отбраковывались.

² Известия. 1998.21 октября.

Действует простой механизм: ослабление денежной политики – рост инфляции – снижение уровня монетизации; для противодействия инфляции денежную политику ужесточают, а затем вновь ослабляют ради поддержки производства и бюджета; далее цикл повторяется. В каждом цикле монетизация снижается. Только в 1996–1997 годах, после введения жесткого регулирования валютного курса, стали расти реальный спрос на деньги, уровень монетизации и объем кредитных вложений в реальную сферу. Финансовый кризис с ноября 1997 года сорвал эти процессы.

Иными словами, ограничение денежной массы в соответствии с реальным спросом на деньги снижает инфляцию и создает предпосылки для увеличения уровня монетизации, насыщения экономики деньгами до нормальных размеров.

Печатанием пустых денег этого добиться нельзя, результат будет противоположный. Затягивание финансовой стабилизации, стремление властей избежать жесткого дисциплинирующего воздействия на предприятия и граждан – вот подлинная причина плохого сбора налогов и низкого реального спроса на рубли. А не реформы вообще и не монетаристская политика в частности.

1.2.3

Приватизация

Единственное, с чем следует согласиться: эффективные собственники пока не появились, не стали повсеместным явлением. А это, несомненно, способствует уходу денег в тень, криминализации экономики. Иной вопрос, могло ли быть иначе в столь короткий период. Альтернатива, которая подразумевается, – не торопиться, оставить в покое госсобственность. Напомню в связи с этим, что Н.И. Рыжков не торопился, а главное растаскивание госсобственности началось при нем, в том числе через аренду с выкупом. Программа приватизации по Чубайсу лишь приостановила растаскивание, ввела процесс хоть в какие-то разумные, законные рамки.

Слов нет, неопределенность прав собственности, слабая их защищенность, отсутствие развитой инфраструктуры поддержки собственности и балансировки частных и общественных интересов, претензии властей предрержащих, особенно в регионах, контролировать имущество и финансовые потоки – все это важнейшие дестабилизирующие факторы нашей хозяйственной жизни, которые способствуют недоверию ее участников друг к другу и к государству. Немало было ошибок, их влияние ощущается. Но предположим, не состоялась бы приватизация по Чубайсу, – что, всего этого в переходный период было бы меньше?

И мне не нравились ваучеры. Однако их влияние на глобальные перемены в российской экономике представляется сегодня не столь уж существенным. Зато значительная часть работы по приватизации уже позади, она сделала рыночные преобразования необратимыми. И кто бы ни правил ныне в России, как бы ни крыл он радикалов-приватизаторов, хотя бы втайне он должен подумать: этого мне делать уже не нужно, а пользоваться плодами – могу. Правда, другие втайне думают: было бы государственное, мог бы прихватить. Но против них приватизация и была направлена.

Если же говорить о росте социальной дифференциации, о кричащих противоречиях между богатыми и бедными, то здесь приватизация сыграла совсем малозаметную роль. Главные же факторы таковы: отрицательная ставка банковского процента; льготные кредиты ЦБ, существовавшие в 1992–1994 годах; пропускание бюджетных денег через уполномоченные банки, а также льготы, квоты и лицензии во внешней торговле на фоне разрыва между внутренними и мировыми ценами на продукты российского экспорта. По оценке Андерса Ослунда, на долю этих факторов приходится 90–95 % всех разворованных государственных средств.

Но это как раз то, с чем боролись реформаторы и что защищали многообразные лоббисты. Большинство их вышло из старой номенклатуры или теневой экономики советских вре-

мен, к ним подключились и некоторые «демократы». Вместе они под шумок реформ ловили рыбку в мутной воде.

Однако при чем здесь реформы? Конечно, вызванная ими ломка социально-экономических отношений не могла не поднять пену, не могла не усилить стремление к корыстному использованию экономической свободы.

Так что, на этом основании прикажете сидеть и ничего не делать?

Вывод: к нынешнему кризису рыночные реформы не имеют отношения. Все, кто говорит: вот вам печальный конец пагубного курса, – мягко скажем, не правы. Определенно, мы имеем дело с результатами затягивания реформ, с их недостаточностью или отсутствием.

2

Истинные причины кризиса

Надо отдать должное нашим СМИ и гражданам, которых они образуют: так причины финансового кризиса на самом деле оценивают немногие. Преобладающее же мнение: государство, уподобившись

Мавроди, выстроило пирамиду ГКО, вот она и рухнула. Считаю объяснение в первом приближении правильным.

Попробуем, однако, раскрыть эти причины более корректно. Постараюсь не очень повторяться, имея в виду, что разъяснений, в том числе вполне разумных, было уже немало.

Мне представляется важным показать, что кризис – результат не чьей-то злой воли или некомпетентности, но стечения обстоятельств, большинство которых сложилось против нас.

Напомню приведенные в начале доклада второй и третий постулаты: в России реформы неизбежно должны были идти трудно и сопровождаться ростом социального недовольства и напряжения. Это было известно заранее.

2.1

Общий план

Теперь восстановим логическую цепь событий, приведших к кризису.

1. Конец 1994 года. «Черный вторник» и решение отказаться от эмиссионного кредитования бюджетного дефицита.

После этого резкого поворота в бюджетной политике необходимо было обеспечить улучшение сбора налогов, сокращение государственных расходов и дефицита бюджета и уже для сокращенного дефицита – переход на его финансирование за счет так называемых неинфляционных источников, то есть внешних и внутренних займов.

Общий план был таков: за год существенно улучшить сбор налогов, а до этого пойти на рост заимствований и государственного долга. (Тем более что тогда государственный долг, не считая внешнего долга бывшего СССР, был не так уж велик – около 15 % годового ВВП против 32 % в 1992 году; с тех пор он обесценился вследствие инфляции.) Если расходы по обслуживанию долга (процентные расходы) не выйдут за пределы лимитов, то можно снизить инфляцию, стабилизировать рубль, снизить процентные ставки. Вследствие этого начнется развязка неплатежей, рост кредитных вложений и оживление производства. За этим последует увеличение налоговых поступлений, возможность рассчитаться по долгам и снизить налоги, придав толчок инвестициям и реструктуризации экономики.

Этот не только вероятный, но практически единственно реальный путь выполнен, однако, не был.

2.1.1 Рынок ГКО

2. Раскучивание рынка ГКО плюс широкое использование КО (казначейские обязательства) и КНО (казначейские налоговые освобождения), гарантии и затем поручительства Минфина по кредитам коммерческих банков на покрытие текущих бюджетных расходов – пик применения этих денежных суррогатов пришелся на конец 1995–1996 год. Две трети налоговых поступлений в бюджет в апреле 1996 года было представлено этими бумажками. Пришлось отрабатывать назад. Снижение выпусков КО и КНО заставило еще больший акцент делать на ГКО.

В 1995 году оборот ГКО вырос в 7 раз, в 1996-м – в 3 раза. Доходность ГКО перед выборами достигала 200 %. В 1997 году произошел рост еще на 52 %, в том числе под требование президента заплатить все пенсии и зарплаты бюджетникам, включая обязательства регионов. Опасность пирамиды к августу 1996 года стала очевидной.

Почему это все же делалось? Да потому, что, зная трудности российского переходного периода и недовольство населения всякими дополнительными испытаниями, находясь к тому же под давлением многообразных лоббистов, любителей наживы за счет бюджета, правительство медлило с решительными действиями, старалось вывернуться, уклониться от последствий своего же правильного решения о прекращении эмиссионного финансирования бюджетного дефицита. Дума противодействовала.

Расходы никто не желал сокращать, решили, что здесь резервов больше нет. Необходимые реформы, способные снизить государственные расходы, которые приходились в основном на социальную сферу, осуществлять никто не хотел. Одинокое энтузиасты были за пределами правительства.

А налоги стали собираться хуже. Попытка дать Госналогслужбе повышенное задание на 1997 год (до 15 % ВВП) была ошибочной. Не было понимания важности организационно-технической работы в этом ведомстве. Не было и реалистичной оценки возможностей улучшения сбора налогов.

Более того. Напомню, что именно в это время развязана чеченская война. Она обошлась как минимум в 8-10 млрд. руб., не говоря о человеческих жизнях и судьбах. Одновременно шла дорогостоящая реконструкция Кремля, строился храм Христа Спасителя и другие стройки века.

ГКО в тот момент оказались самым простым выходом. О последствиях стали задумываться только осенью 1996 года. Приведу цитату из моей собственной записки В.С. Черномырдину, датированной октябрём: «Погасив инфляцию не за счет сбалансированного бюджета, а за счет роста государственного долга, мы только отложили инфляцию». Считаю себя вправе напомнить об этом, поскольку записка (против моей воли) была напечатана в «Независимой газете» (1996.26 ноября).

То, что произошло в августе 1998 года, – это первый взрыв отложенной инфляции.

3. Начало 1997 года: либерализация рынка ГКО, расширение допуска на него нерезидентов. «Горячие деньги» устремляются в Россию. Весной даже возникает опасность усиления инфляции, так как ЦБ эмитирует рубли, чтобы приобрести в резервы десятки миллиардов долларов. К середине лета доля нерезидентов на рынке ГКО достигла 30 %. В итоге доходность упала до 18–20 % годовых, снизились процентные ставки. Экономика задышала. Намеченный план, казалось, стал осуществляться. Но одновременно выросли и риски, связанные с привлечением «горячих денег». Опыт других стран заставлял насторожиться.

2.1.2

Молодые реформаторы и олигархи

4. Март 1997 года: обновление состава правительства, приход в него А. Чубайса и Б. Немцова, что позволило говорить о правительстве «молодых реформаторов».

Одним из первых шагов нового правительства стал «секвестр» только что с трудом утвержденного бюджета на 30 %. Этот шаг, вызванный ощущением опасности грядущего кризиса, был встречен в штыки практически всеми. Агрессивность «молодых реформаторов», обусловленная и характерами, и острой нехваткой времени, могла принести плоды, если бы они быстро добились важного успеха и получили поддержку не только у президента, но и в обществе. Увы, краткосрочный успех в сокращении задолженности по зарплате и пенсиям, достигнутый как условие дальнейшей поддержки президента, только затянул долговую петлю, заставив отложить решение главных задач по предотвращению кризиса.

5. Июль 1997 года: аукцион по «Связьинвесту» и начало информационной войны олигархов «по полной программе» против Чубайса и Немцова. Повод к войне ныне кажется постыдно ничтожным.

Победили! Итог – пепелище. Главная потеря – исчезло доверие к реформаторам, вера в их порядочность и готовность служить обществу. В то, что они смогут, что им дадут довести дело до подлинного успеха.

6. Осень 1997 года: полный отказ левой Думы (с учетом итогов информационной войны) от сотрудничества с правительством молодых реформаторов. Стало ясно, что надежда наскоком преодолеть сопротивление парламента по Налоговому и Бюджетному кодексам, по земельной реформе, по социальным льготам несостоятельна. Политика бури и натиска, принятая в марте, потерпела неудачу. Альтернативой мог быть новый конфликт с законодательной властью, исход которого представлялся более чем сомнительным. Порыв угас.

2.1.3

Азиатский кризис и смена правительства

7. Ноябрь 1997 года: до России докатываются первые отзвуки азиатского кризиса. Миссия МВФ отказывается одобрить очередной транш займа EFF на том основании, что до сих пор не учитывались растущие долги бюджетных организаций за газ, энергию и тепло, а также что исполнение бюджета оценивалось только по фактическим ассигнованиям без учета роста его долгов. Задержка транша – еще один толчок к потере доверия. Начала расти доходность ГКО – до 40 %. Центральный банк ради поддержки курса рубля отказывается поддерживать рынок ГКО. Процентные ставки поползли вверх. Начинается отток капитала.

Становится ясно, что наметившийся прорыв к экономическому росту не состоится. Напротив, проблема государственного долга, ранее ослабленная притоком «горячих денег» из-за рубежа, теперь из-за них же начнет обостряться.

Роль азиатского, а на деле, как это сегодня видно, мирового финансового кризиса, его влияние на Россию нельзя недооценивать, хотя зерна кризиса легли у нас на удобренную внутренними проблемами почву.

Конечно, если бы мы не впустили нерезидентов на рынок ГКО, то мировой кризис казался бы на нас гораздо слабее. И все-таки в то время это был, я считаю, вполне оправданный риск. Ведь в начале 1996 года никаких симптомов опасности на мировых финансовых рынках не наблюдалось.

И тем не менее наш кризис можно понять лишь как часть мирового финансового кризиса. Весной 1997 года – крах банковской системы в Чехии; осенью 1997 года – Малайзия и Таиланд;

начало 1998 года – удары кризиса настигают Южную Корею, Японию и Индонезию, летом – Россию, затем Бразилию и Аргентину. Во всех этих странах картина кризиса одна:

- резкое обесценение национальной валюты;
- банковский кризис;
- падение капитализации фондового рынка;
- отрицательное сальдо платежного баланса;
- спад производства.

Характерно, что удары кризиса обрушились на развивающиеся рынки, на страны, структура экономики которых страдает существенными ограничениями свободы конкуренции в пользу привилегированных агентов на основе связи власти с крупным капиталом, на страны, в которых сильно вмешательство государства в экономику в интересах определенных групп.

Итог: резкое сокращение потока капиталов на эти рынки, кризис доверия. По оценкам экспертов МВФ, чистый приток капитала на развивающиеся рынки, включая страны с переходной экономикой, снизился с 215 млрд. долл. в 1996 году до 123,5 в 1997 году и, как ожидается, до 56,7 млрд. в 1998 году. В 1999 году прогнозируют рост до 129 млрд. долл. Произошло общее снижение уровня доверия к развивающимся рынкам, среди них и к российскому. Процентные ставки пошли вверх.

Кризис на сырьевых рынках, в том числе нефтяном, что особенно больно для России, также связан с общим кризисом, так как наряду с экономией ресурсов за счет новых технологий последний привел к существенному сокращению спроса на этих рынках.

8. Март 1998 года: президент Ельцин отправляет в отставку Черномырдина и выдвигает на пост главы правительства молодого Кириенко. Интрига, затеянная не знаю кем, на первый взгляд на руку реформаторам. Она должна была, видимо, преодолеть торможение реформ, возникшее вследствие раздоров в правительстве и между «олигархами». Но первым результатом стало появление шанса для левого парламента усилить давление на исполнительную власть. И Кириенко ради своего утверждения, растянувшегося на месяц и закончившегося унижением Думы, вынужден идти на уступки. Уже тогда вхождение коммунистов в правительство стало предрешенным, так как позволяло добиться от Думы сотрудничества.

Вероятно, позднее взрыв все равно произошел бы, даже без смены правительства. Но политическая стабильность, обеспечиваемая прежде тандемом Ельцин-Черномырдин, оказалась подорванной. Кризис доверия усиливался.

9.12 мая 1998 года: сразу после затишья майских праздников начинается обвал на финансовых рынках. По мнению специалистов, помимо правительственного кризиса, ему способствовали заявления председателя Счетной палаты Х. Кармокова о целесообразности одностороннего прекращения платежей по долгам, постановление Думы об уменьшении доли иностранных инвесторов в капитале РАО «ЕЭС», а также банкротство Токобанка, в котором значительная доля принадлежала иностранцам. Затянувшаяся неопределенность с решением по Токобанку усиливала их сомнения в том, что власти будут уважать их интересы. Они заняли жесткую позицию в отношении долгов российских банков и усилили вывод капиталов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.